

Н. Н. Лыкова
Тюмень, Россия

**ТЕРМИНОЛОГИЯ ПРАВОСУДИЯ В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ И ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКАХ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается терминология понятийной сферы «Правосудие» в старофранцузском и древнерусском языках. В изучаемой понятийной сфере выделяется четыре понятийных ядра: юрисдикция, судебные учреждения; субъекты права; следствие по делу; судебное разбирательство. Сравнивается терминология каждой понятийной группы, выявляются общие черты и черты, специфичные для каждой складывающейся терминологии. Расхождения анализируются в количественном и качественном аспектах. При анализе терминов устанавливаются особенности, касающиеся формы, семантики терминов и их эквивалентности понятийной структуре. В частности, формальный анализ позволил выявить продуктивные суффиксы, используемые для образования производных терминов, и особенности префиксального терминоподобия в начальный период формирования терминологии права в русском и французском языках. При анализе семантики обнаружены характерные особенности синонимичных и дублетных терминоподобия, выявлена специфика многозначных лексем и метафорических обозначений. Рассмотрены особенности дефиниций терминов в ранних правовых текстах. При анализе эквивалентности терминологий понятийной структуре выявлено различие в степени терминологической разработанности отдельных подгрупп и наличие лакун, отсутствие средств языкового выражения некоторых правовых понятий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терминология права; термин; сопоставление; старофранцузский язык; древнерусский язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Лыкова Надежда Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета; 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9; e-mail: nlykova@utmn.ru.

Терминология правосудия относится к одной из доминантных понятийных сфер права. В юриспруденции правосудие понимается как форма государственной деятельности, заключающейся в рассмотрении и разрешении судом отнесенных к его компетенции дел [БЮС 2001: 469]; оно опирается на право, т. е. систему общеобязательных социальных норм, правил поведения, установленных обществом. Общее представление о правосудии может быть отражено в концептуальной системе, состоящей из нескольких тематических структур, содержащих основную, типическую информацию, ассоциированную с тем или иным концептом. На наш взгляд, понятийная сфера «Правосудие» включает в себя четыре понятийных ядра: 1) юрисдикция, судебные учреждения; 2) субъекты права; 3) следствие по делу; 4) судебное разбирательство.

Сопоставительный анализ терминологии правосудия в старофранцузском и древнерусском языках, который предпринят в данной статье, опирается на проведенное автором исследование начального периода формирования терминологии права как отдельного пласта специальной лексики в русском и французском языках [Лыкова 2005]. Сопоставление помогает выявить общие и специфичные черты, характеризующие ранний период существования данной терминологии в изучаемых языках.

Если сопоставить терминогруппу, в которую входят лексемы, номинирующие юрисдикцию, округ в старофранцузском и древнерусском языках, то обнаруживаемое сходство проявляется в том, что и в старофранцузском, и в древнерусском языке права в этой группе используются, с одной стороны,

общие термины (*bandon, destroit, dition, justice, obeissance, part, pooir, poroffe / земля, волость, область, удел*) и, с другой стороны, термины конкретные, уточняющие, под чьей юрисдикцией находится округ (*bail, banissement, chastelenie, conté, duchee, finage, justicerie, vestiaire, visconté, voerie / земля княжая, княжщина*). Наблюдаемые расхождения касаются количественного состава данной группы: так, во французском языке она включает 21 единицу, а в русском — 10 единиц. При формальном анализе обнаруживается, что в обоих языках представлены как непроизводные (*bail, destroit, justice, pooir, poroffe / волость, город, земля, область*), так и производные однословные термины (*banissement, bandon, chastelenie / княжщина, посад, присуд*), образованные суффиксально-префиксальным способом. Старофранцузские термины этой подгруппы образуют, кроме того, словообразовательные гнезда: *bandon — banissement — embanir; justice — justicable — justifier*.

Терминообозначения суда (трибунала) представлены в обоих языках. В старофранцузском языке права их одиннадцать. Это однословные термины, и большинство их не уточняет вид суда, т. е. они выступают как дублетные, не дифференцируя отдельные признаки объекта, как например, *audience, cort, jugement, justicerie, justice, oiance, plet*. Тогда как в древнерусском языке права терминоподобия суда группируются вокруг одной лексемы (*суд*) и представляют собой составные адеквативные термины, состоящие из двух компонентов, второй из которых уточняет состав суда, его местонахождение, специализацию: *суд княж (княжий), суд владычный, волостной, городской, посадничий,*

суд общий (волчий), смесный, торговый. Уже в ранних французских правовых текстах специализация, правомочность суда маркируется терминологически: *haute justice / basse justice*. Многозначность терминов, составляющих эту группу, свойственна обоим языкам. Так, все старофранцузские однословные термины обладают несколькими значениями, от двух (*cohue, justicerie*) до пяти (*cort, justice*), причем, как правило, лишь одно или два значения связывают их с правовой областью. Исключение составляет только термин *justice*, все значения которого относятся к правовой сфере, таким образом, изначально этот термин обладает исключительно юридической принадлежностью. В древнерусском же языке многозначность лексемы суд связана с областью права, она снимается за счет ее вхождения в состав атрибутивных словосочетаний (см. выше).

В группе терминов, номинирующих субъектов права, отмечается, что в обоих языках эти термины отличаются двойной или тройной принадлежностью, т. е. принадлежностью к общему языку и/или другому специальному языку и языку права. По своему происхождению терминообозначения феодалов в старофранцузском языке восходят к понятию 'человек' (*baron, seigneur*), а в терминологии зависимых от феодала лиц признак антропоцентричности не выявляется. Косвенно это подтверждает, что в средневековом сознании сохраняется память о прежних воззрениях, когда владение кем-либо приравнивалось к владению вещью. В этой группе выделяется родовой термин (*serf*) и видовые, уточняющие вид крепостной или иной зависимости (*amoissonneur, aloat, faidif, mansionnaire*). В древнерусском языке права признак антропоцентричности характеризует не только терминообозначения феодала, но и терминологию лиц, зависимых от него: княж муж, свободен муж, людин / люди, холоп, челядин, челядь, смерд. Во французском языке наименование крепостного отражает традицию заимствования этого названия у других народов [ср. Бенвенист 1995: 235—236], тогда как древнерусский язык нарушает эту традицию: здесь все слова с этим значением являются исконными и восходят к наименованиям детей и подростков, наименее защищенных в правовом отношении, имеющих меньшие права [см. Трубачев 2002: 221]. При сравнении форм обнаруживается, что производные термины этой группы в обоих языках образованы с помощью морфологических способов словообразования, в основном за счет суффиксации (*chastelain, mansionnaire / челядин, рядович, наймит, огнищанин*). При наименовании

субъектов права в древнерусском языке широко используется суффикс единичности *-ин* (*огнищанин, дворянин, людин, челядин*). Во французском языке отмечается, кроме того, субстантивация прилагательных или причастий (*faidif, feutable, reseant, soplast*) и словосложение (*mainmuable, mainpast*). В древнерусском языке очень часто термин, обозначающий субъекта права, входит в состав терминологических сочетаний, уточняющих статус данного лица (*холоп одерноватый, полный, княж; муж княжий, свободен*). Этот вид терминообразования встречается и в старофранцузском языке (*home coustumier*), но на начальном этапе становления этой терминогруппы для обозначения зависимого лица в старофранцузских правовых текстах используются преимущественно однословные термины.

Следствие по делу состоит из нескольких этапов: возбуждение дела, предварительное следствие и судебное следствие. И в старофранцузских, и в древнерусских правовых документах терминологически не различаются предварительное следствие и судебное следствие, что свидетельствует о недостаточной дифференцированности этого понятия в изучаемый период в обоих языках. В сопоставляемых языках внутренняя форма слов, использующихся в качестве обозначения оснований для возбуждения дела, отражает устный характер жалобы или иска (*claim, complainte, deplaint, querele, reclaim / жалоба*). В древнерусском языке специфично то, что к этому признаку добавляется еще наименование действия: *иск*. Кроме этого, не только словесное, но и конкретное физическое действие знаменуют начало обращения за помощью правосудия: *челобитье*. Данная терминогруппа в старофранцузском языке более объемна, она включает четырнадцать однословных терминов со значением 'жалоба, иск', а в древнерусском языке их всего четыре. Отличительной чертой старофранцузских терминов этой подгруппы являются словообразовательные гнезда: *claim — clamer — reclaim, complainte — deplaint — deplandre — plainte*. В номинации иска, жалобы обоим языкам свойственна синонимическая вариативность. Синонимия ранних терминообозначений объясняется особенностью мысли подмечать общее, сходное, подобное при познании предметов и явлений, но это явление имеет некоторые отличия в сравниваемых языках. Так, например, старофранцузские правовые документы свидетельствуют о том, что некоторые синонимы были не абсолютными, а относительными и уже различались терминологически, как например: *claim — demande —*

complainte, а в древнерусских текстах подобного различия не было обнаружено.

К качественным расхождениям относим выделяемую в старофранцузском языке права довольно представительную группу слов с общим значением 'расследование, следствие, дознание'. В нее входит 17 субстантивных и глагольных однословных единиц. В древнерусском же языке права подобную терминоподгруппу выделить не удалось. Старофранцузские термины, образующие эту группу, восходят к идее розыска и преследования и формируют словообразовательные серии: *enquête* — *enquêter* — *esquerre* — *inquisition* — *quise*; *porsuire* — *porsivement*.

В обеих культурах дознание включало в себя такие операции, как розыск, допрос, процедуру проведения очной ставки и судебного поединка. В процедуре *розыска* также выделяются общие этапы: оповещение о краже, розыск от владельца к владельцу. Терминология розыска в обоих языках представлена в основном составными терминами, описывающими динамику данной правовой ситуации: *lever le cri apres lui, aler de garantisseeur jusques à sept / a заклучють и на торгу, а заповесть на торгу, след гнати, по верви искати татя*. Они употребляются, как правило, не только в языке права, но и в общем языке, т. е. относятся к терминам двойной принадлежности.

Допрос в древнем праве был связан с применением пыток, которые служили средством получения признания. Признание было основным элементом следствия и выступало в качестве основного доказательства вины. Терминология допроса, соединенного с пыткой (*question, question préparatoire, question definitive, enquerre, examiner*), и вытекающего из него признания (*aveu, gehine, metre a gehine, fere cognoissance, repentir*) была развита в старофранцузском языке права и фактически отсутствует в ранних памятниках древнерусского права, появляясь лишь в документах XIV—XV вв. В пытке, пишет М. Фуко, как будто смешались акт расследования и элемент наказания, поскольку она рассматривается как способ дополнения доказательства и как одно из наказаний [Фуко 1999: 63].

Ордалии, судебные поединки могут рассматриваться как реликт древней правовой деятельности, основой которой была идея божественного воздаяния по справедливости. Судебные поединки практиковались в разрешении спорных вопросов и в том, и в другом социуме, что нашло свое отражение в соответствующей терминологии, представленной преимущественно составными

терминами в обоих языках: *bataille, champ de bataille, bataille cors à cors, esgarder une bataille, jugier une bataille, maler, champ malé, torne(s) de (la) bataille, gages de bataille, tenir bataille / битися на поле, на поле лезем, смав на поле, поле присужати*. В этих лексемах проявляется архаизирующая функция терминов, поскольку они отражают предшествующую правовую ситуацию, которая находится в состоянии исчезновения в изучаемый период и не одобряется законодателем, королевской властью: *Li Rois deffent les batailles en son demaine par ses establissemens* [Louis II, 38: 637].

Терминология *судебного разбирательства* включает в себя ряд терминоподгрупп, не все из которых в равной мере представлены в обоих языках. В терминоподгруппе «Вызов в суд» в старофранцузском языке (8 однословных терминов) преобладают глагольные термины, противопоставляющие устный и письменный характер вызова или же опирающиеся на идею принуждения или близости: *avochier, somement, voer / descrire / traire, traitier / aprismier, aproismier*. В древнерусском языке терминов этой группы немного, и они представлены однокоренными словами (-зов-) разной частеречной принадлежности: *позов, позовка, позывати*.

Терминоподгруппа *судебного процесса* в обоих языках включает обширную группу терминов (около 20), номинирующих собственно судебный процесс, его организацию, судебное дело. Большинство старофранцузских терминов общего характера, связанных с проведением судебного процесса, восходят к двум латинским основам (*placitum* и *jus*, в том числе через народную словообразовательную основу -judge-): *plaid, pledeis, plaidier, plaidoier / fere justice, jugier, desjugier, ajugier, besjugier, mesjugier*. В древнерусском языке права эта терминология группируется вокруг слов *суд* и *правда*, последнее отражает понимание суда как суда правого, справедливого: *суд, судити, судом судити, дати ему правду* 'удовлетворить судом'. Так же как и в старофранцузском языке, древнерусская юридическая практика еще не выработала понятие предварительного следствия, и термины *суд* и *судити* имели синкретичное значение: 'следствие, в ходе которого собираются необходимые доказательства', и 'судебное заседание', и 'право вести процесс' [Благова 1998: 28]. Процессуальное действие обращения в суд передается глаголами: *иматися за* 'судиться за', *утягати* 'добиваться судом'.

В старофранцузском языке широко представлена терминология *лиц, защищающих интересы тяжущихся сторон* (14 единиц).

В основе наименования большинства из них лежит десигнативный признак говорения: *avant-parlier, conteor, emparleor, plaidif, plaideis, plaideor, voé*. Среди этих терминов встречаются как синонимы (*avocat* и *avant-parlier*), так и дублеты. В древнерусском языке терминология лиц, представляющих интересы сторон в суде, не выявлена (отсутствуют), таким образом, отмечается лакуна, незаполненное пространство данной понятийной сферы.

Для обозначения *истца* (и *ответчика*) старофранцузский язык права располагает многочисленными лексемами, которые образовывались по модели «глагольная основа + именной суффикс *-eor, -eur* (или *-if*), указывающий на производителя действия»: *apeleor, clameor (clamif), defendeur (defenderes), demandeur, plaideor, plaintif, proveor, questor, respondeor, suitor, vocheor* или путем субстантивации герундия или причастия настоящего времени: *plaignant, requerant*. Внутри этой группы обнаруживаются гиперонимические отношения. В качестве родового термина выступает лексема *partie*, она применяется по отношению к обоим тяжущимся сторонам. В древнерусском языке права лица, участвующие в судебном процессе (истец и ответчик), именовались одним термином (*истец*), что является показателем недостаточной дифференциации этого понятия в указанную эпоху. Термин, обозначающий вторую сторону в процессе, появится лишь в более поздних текстах.

Терминология *судьи* в старофранцузском языке (15) отличается развитой синонимикой, в них выделяются отдельные характеристики объекта. В основу знакообозначения терминов этой группы положены десигнативные признаки говорения (*disor, jureor, voirjuré*), права, справедливости (*droiturier, juge, justice, justiceor*), принятия решений (*arbitre, plaideor*), знания (*connoisseur*), поиска истины (*inquisiteur*), владения (*terrier*). В древнерусском же языке в качестве основного используется один термин (*судья*), который употреблялся как родовой, а атрибутивные терминологические сочетания с этим словом — как видовые: *судья волостной, городской, земский, княжий, митрополит, монастырской, общий, вопчий, съезжий* [Кочин: 462].

Синонимия и специализация синонимов характерна и для наименований *свидетелей* (6 однословных терминов) в старофранцузском языке. Так, термины *tesmoigneor, testimoine* восходят к латинскому *testis* 'свидетель, очевидец', то есть это тот, кто видел и может рассказать. Термином *jureor, jureur* обозначались свидетели, которые приходи-

ли в суд подтвердить клятвой невиновность обвиняемого. У термина *recordeor* также существовала специализация, он применялся по отношению к свидетелям, присутствующим при отправлении сержантами определенных правовых актов. Для обозначения лжесвидетеля применялся термин с ясно выраженной внутренней формой: *faussonier*. В древнерусском языке права также существовало несколько терминологических свидетельств, но чаще всего употреблялся термин *послух*. В обоих языках термины со значением 'свидетельские показания, свидетельство', 'свидетельствовать' образованы от наименования свидетелей, а наименование лжесвидетеля и лжесвидетельства отличается негативной оценочностью, отражая сходное восприятие этого явления в разных культурах.

Значимым для древнего права было понятие *клятвы, присяги*, поэтому соответствующая терминология выделяется в обоих языках, она представлена однословными и составными (глагольными) терминами. Национальные особенности в понимании этого понятия проявляются в том, что старофранцузский язык в клятве выделяет признак словесного действия: *jurer seur sains, fere le serement, conter par serement*, а древнерусский — действия физического: *зарок, рота, ити на роту, ротитися, целовати крест*. Термины *рота, ротитися* — одного корня с лексемами *рать, ратитися* 'борьба', 'драться'.

В группу терминов старофранцузского языка, передающих понятие об *обвинении*, входят лексеммы, обозначающие обвиняемого, обвиняющего, действие обвинения и результат этого действия. В этой многочисленной группе значительная часть субстантивных терминов представляет собой производные от глагольных терминов той же группы, например, *encuser, accuser* — *encusement, acuse, encuseor*. Терминогруппа обвинения в древнерусском языке права четко не выделяется, представлены лишь отдельные лексеммы, отражающие некоторые стороны обвинения (*вывести виру, свержет виру, повинити*). Наиболее широко представлены обозначения ложных обвинений: *клепати, облыгати, поклеп, прирок*. Наблюдается, таким образом, качественное и количественное расхождение в терминологии этой подгруппы.

Заключительной фазой судебного следствия является *вынесение приговора* или *решения по делу*. В старофранцузском языке права приговор и решение суда обозначаются одним термином *jugement*, который может конкретизироваться добавлением к

нему уточняющего определения (*li communs jugementz, li jugementz capital*). Терминология вынесения приговора отражает процесс принятия решения и возможности подачи апелляции. Отдельная совокупность терминов номинирует такое явление, как вынесение неправильного, ошибочного, несправедливого приговора (*ferre faus jugement, fausser jugement*). К отличительным чертам этих терминогрупп в изучаемых языках относится отсутствие в самых ранних памятниках русского права («Русская правда») терминологии, связанной с принятием судебного решения, однако в более поздних документах появляются отдельные термины для обозначения письменного решения суда и устного его объявления (*судная грамота, судница дати сказывати суд, приговор, отсудити*). Апелляция судебного решения не предусматривалась. Терминология этого этапа судебного разбирательства в древнерусском языке права находится еще в зачаточном состоянии, поскольку, видимо, в сознании отправляющих правосудие этот этап из общей процедуры отчетливо не выделялся, он воспринимался как естественное ее продолжение и часто носил материальный или действенный характер: возврат вещи, предмета, денежный штраф, судебный поединок.

При анализе терминов, образующих терминосферу «Правосудие» в старофранцузском и древнерусском языке права, можно установить ряд особенностей, касающихся а) формы, б) семантики терминов и в) их эквивалентности понятийной структуре (терминополю).

При формальном анализе обнаруживается, что в обоих языках однословные термины представляют собой непроизводные и производные лексемы, образованные средствами родного языка, путем семантической деривации или аффиксации. Среди суффиксальных производных в сопоставляемых языках широко употребляются суффиксы со значением лица, деятеля: так, во французском языке — *-or, -eor, -ier* (*clameor, jugeor, suitor, droiturier*), в русском — *-ец, -ок, -ин, -ник, -щик* (*истец, видок, огнищанин, мечник, недельщик*). Из других суффиксов старофранцузского языка в разных терминогруппах, характеризующих правосудие, продуктивен многозначный суффикс *-(e)ment*: *ametement, banissement, demenement, encolpement, jugement, porsivement, serjantement, somement, voement*. Особенностью префиксального словообразования терминов, входящих в данную терминологию в старофранцузском языке, является возможность присоединять разные префиксы к одной производящей основе, формируя таким образом префик-

сальные серии: *enquerre — esquerre — enquester — porquerre; ajugier — besjugier — desjugier — mesjugier*. Одна основа могла служить базой для производных разной природы: *ban — banissement — embanir*.

Другие способы словообразования в обоих языках являются менее продуктивными, тем не менее можно отметить такие способы, как регрессивная деривация (*claim, plait, reclaim, recort, ret / иск, довод, позов*), субстантивация причастий (*aloé, juré, garant, plaignant, requerant, reseant, traite*) и прилагательных (*sopost, citeain, faidif / полишное*). Несколько терминов представляют собой результат словосложения по моделям «N + N» (*mainpast, voirjuré / челобутье*), «N + Adj» (*mainmuable*), «Adv + N» (*avant-parlier*).

В обоих языках представлены составные термины, среди которых можно выделить субстантивные словосочетания с разным количеством компонентов (*champ de bataille, torne(s) de (la) bataille, gages de bataille, cors à cors, champ malé*). В древнерусском языке права отмечается также большое количество адъективных словосочетаний, служащих для дифференциации понятия: *суд княжий, холоп обельный, мужи судные, добрые люди*. Однако большую часть составных терминов в сопоставляемых языках составляют глагольные сочетания: *ferre jugement, ferre plainte, ferre claim, metre en l'enquete, metre en voir, porter garentie, tenir bataille, tourner garents / битися на поле, стати на поле, дати правду, ити на роту (ити роте), след знати, ждати прока, ставити перед князем, целовати крест*. Глагольные словосочетания могли включать факультативные единицы, образуя варианты конструкции: *ferre droit jugement — ferre faus jugement, rendre jugement — rendre loyal jugement*.

В сопоставляемых языках отмечается не только синтаксическая, но и графическая (*lignée, lignie, lignage, lygnage; bastar, bastart, bastard / метельник, метельник, метальник; рота, рута*) и морфологическая вариативность форм (*lignage, lignerie, lign; bast, bastart; juge, jugeor / истец, ищия; позов, позовка; судебница, судебня*), обусловленная не выработанными еще нормами графики, разными способами записи, принятыми разными школами, отражающими, возможно, особенности местного, диалектного произношения или фиксирующими региональные формы.

При анализе семантической стороны отмечаем, что в обоих языках широко распространены синонимичные или дублетные терминообозначения в каждой из выделенных терминогрупп, причем синонимичными могут быть не только однословные термины,

но и составные: *ferre plainte* — *ferre claim* — *clamer haussage*; *tourner garen* — *lever garen*; *traire à tesmoing* — *lever un tesmoing*; *ferre faus jugement* — *fausser jugement*. Синонимом аналитического образования может быть синтетическая форма: *ferre claim* — *clamer*, *ferre plainte* — *se plaindre* / земля княжая — княжщина, слуга дворный — дворянин. Л. Л. Кутина, объясняя особенности синонимии на начальном этапе формирования терминологии, подчеркивает, что контекст, играющий двоякую роль (отождествляющую и дифференцирующую), в этом случае выполняет только отождествляющую функцию, и эта отождествляющая сила идет от понятия, с которым соединяется знак [Кутина 1970: 87].

В выделенных терминологических группах во французском языке довольно часто встречаются аналитические модели с глаголом действия: *faire* + N. В лингвистической литературе отмечается, что это выражение, восходящее к латинскому «*facere* + N», свойственно народнолатинскому языку, часто употребляется в поздней латыни и достигает триумфального преобладания в романских языках. Выделяют две разновидности этой аналитической модели: 1) модель, в которой группа составляющих равна одному синтетическому глаголу, и 2) устойчивые перифразы, в которых глагол действия замещают другие глаголы в составе аналитической модели, приобретая зачастую идиоматическое значение. В первой модели наблюдается синонимичность перифразы и однокомпонентной формы, во второй — нет [Зеликов 2001: 111]. В нашем случае отмечаются аналитические модели первого типа, они относятся к древнейшим аналитическим образованиям, им свойственна функциональная эквивалентность синтетическим формам, относительная свобода структурных компонентов, возможность расширения конструкции: *juger* — *ferre jugement* — *ferre droit jugement* — *ferre faus jugement*.

Большинство терминов, составляющих терминосферу «Правосудие», являются многозначными лексемами, когда лишь одним из значений лексема принадлежит области правосудия: *obeissance*, *part*, *pooir*, *reconoissance*. С другой стороны, выделяется ряд лексем, полисемия которых проявляется и внутри правового поля; так, например, правовой термин *justice* имеет пять значений, благодаря которым он может входить в разные правовые терминологические группы: 'наказание', 'правосудие', 'юрисдикция', 'суд', 'судья'. Многозначность может отмечаться внутри правовой терминологии или даже внутри одной терминологической группы, например,

термин *jugement*, благодаря своим значениям 'решение, приговор' и 'суд', входит в состав разных терминологических групп терминологии правосудия, *question* является многозначным внутри терминологической группы, поскольку обладает следующими значениями: 'допрос', 'следствие, соединенное с пыткой', 'пытка'; также как термин *testimonie* 'свидетель' и 'свидетельство, свидетельское показание'. В русском языке подобным примером может служить термин *суд*.

Таким образом, степень терминологичности языковой единицы может быть более или менее высокой, иначе говоря, терминологические семы могут быть представлены в слове в большей или меньшей степени. Так, например, почти половина однословных единиц, объективирующих концепт «Правосудие» в старофранцузском языке, имеет только терминологические семы в семантической структуре слова (46 %), другая половина характеризуется наличием терминологических и нетерминологических сем (47 %), небольшая часть единиц (7 %) не обладает собственно терминологическими семами (в основном в терминологической группе «Субъекты права»).

Среди особенностей, относящихся к семантике терминов данного терминополья, следует отметить наличие метафорических обозначений: *mont*, *lignée* / холоп, след гнати. Метафора дает возможность использовать потенции понятийной сферы-источника при концептуализации новой понятийной сферы [Чудинов 2001: 36]. Метафоры, выявленные в данных терминологических группах, во французском языке относятся к онтологическим (столкновение живого и неживого), а в русском — к структурным (использование одной понятийной сферы для номинации другой).

В ряде правовых терминов старофранцузского и древнерусского языка прослеживается негативная оценочность: *false*, *ferre faus jugement*, *fausser jugement*, *vilain* / клепапи, облыгати, поклеп, послушествовати лживо, причем в некоторых правовых терминах старофранцузского языка негативная оценочность передается морфологическими средствами: *bastard*, *besjugier*, *mesjugier*.

Уже в ранних правовых текстах обнаруживаются дефинированные термины, относящиеся к сфере правосудия. В древнерусских текстах таких терминов — единицы: *холопство обелное*, *суд княжий* [ПП, 110: 72; ПСГ, 1: 331], тогда как в старофранцузских текстах, опирающихся на римские законы и дающих прямые ссылки на них, подобных терминов больше, и они принадлежат разным терминологическим группам: «Юрисдикция, округ» — *haute justice*, *basse justice* [Beaum., 1642-3: 340—341], «Субъекты права» — *baron*

[Louis, II, 36: 633], «Лицо, представляющее интересы сторон в суде» — *procurateur, conteor, pledeor, avocat* [Louis, II, 8, 14: 577, 592], «Клятва» — *serement* [Louis, 1: 364], «Приговор, решение» — *jugemenz comuns, jugemenz capital* [Plet, XXV: 283]. Как правило, подобные «протодефиниции» представляют собой разъяснение понятия, выполненное в форме описания или перечня сторон, характеристик, составных элементов. Разъяснение вводится конструкцией с глаголом *appeler* 'называть, называться': *Procurateur est appellés cil qui...* — «Судебным стряпчим называют того, кто...» — или конструкциями с указательными местоимениями: *Li comun jugement sunt cil...* — «Общие решения — это ...», *Се суд княжей, ож...*

Что касается эквивалентности терминов понятийной структуре, то можно отметить, что и в русском, и во французском языке данная терминология представляет собой достаточно упорядоченное образование, в котором термины в целом соответствуют системе понятий, этот порядок задается существующей иерархией понятий. Однако эти терминологии в сопоставляемых языках не являются симметричными. Так, в русском языке на начальном этапе развития терминологии права отмечаются лакуны, отсутствие средств выражения некоторых понятий, таким образом, нарушается внутренняя понятийная связь внутри терминополья («Расследование, следствие, дознание», «Допрос», «Признание», «Лицо, представляющее интересы сторон в суде»). В обоих языках отмечается отсутствие дифференциации понятий «предварительное следствие — следствие по делу»; в древнерусском языке в самых ранних текстах права: «истец — ответчик»; в старофранцузском языке права: «адвокат — обвинитель». Наблюдается также асимметрия внутри терминогрупп в обоих языках, выражающаяся в большей или меньшей терминологической разработанности отдельных подгрупп (терминогруппы «Обвинение», «Приговор» в древнерусском языке права представлены отдельными терминами), в различном объеме групп терминов, лишенных коннотативных значений, и терминов, в семантической структуре которых присутствует оценочность.

Степень систематизации правового материала, а значит и терминологии, различна в сопоставляемых языках. Старофранцузские тексты законов делятся на главы по тематическому принципу, заголовков которых анонсирует (более или менее подробно) содержание главы, например: *Ici commence li .LVIII. chapitres de cest livre liqeus parole de haute justice et de basse, et des cas qui*

apartient a l'une et a l'autre, et comment il est mestiers que chascuns euvre de sa justice [Beaum. LVIII: 340]. — «Здесь начинается 58-я глава этой книги, в которой говорится о высшем и низшем правосудии, которое каждый осуществляет в своем округе»; *Quex genz devient porter garentie et quex non* [Plet, 9, XV: 177]. — «Какие люди могут свидетельствовать в суде, а какие — нет». Главы подразделяются на статьи, и, таким образом, осуществляется предварительная классификация правового материала. Тогда как в древнерусских текстах законов деление на главы отсутствует и лишь некоторые статьи имеют краткие заголовки: *О княжи мужи. О своде. О холопе. О закупе* [ПП, 11, 36, 63, 64], *О поличном. О неправом суде. Указ наместником о суде городским* [Суд.1497, 13, 19, 37].

ИСТОЧНИКИ

1. ПП = Суд Ярославль Володимерич. Правда Русская. Пространная редакция // Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. М.: Юридическая литература, 1984. С. 64—73.
2. ПСГ = Псковская Судная грамота // Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. — М.: Юридическая литература, 1984. С. 331—342.
3. Суд.1497 = Судебник 1497 года Лета 7006-го месяца септемвриа уложил князь Великий Иван Васильевич вся Руси с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околичим // Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. — М.: Юридическая литература, 1985. С. 54—62.
4. Beaum. = Beaumanoir Ph. De. Coutumes de Beauvaisis T. 1 / Texte critique publ. avec une introduction, un glossaire et une table analytique par Am. Salmon. — Paris: Picard, 1899. 512 p.
5. Louis = Les Etablissements de Saint Louis // Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789 / par MM. Jourdan, Decrusy, Isambert. — Paris: Plon, s.a. T. 2: 1270—1308. P. 361—643.
6. Plet = Li Livres de Jostice et de Plet. / publ. par Rapetti. — Paris: F. Didot, 1850. LII, 451 p.

ЛИТЕРАТУРА

7. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. — М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
8. Благова Н. Г. Лексика и фразеология памятников русского права XVII века: (На материале Уложения 1649 г.). — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. 104 с.
9. Большой юридический словарь = БЮС / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Инфра-М, 2001. 704 с.
10. Зеликов М. В. Модели с глаголом действия в языках Западной Романии // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 107—128.
11. Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря Древней Руси / под ред. Б. Д. Грекова. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 487 с.
12. Кутина Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии: материалы совещания, проведенного АН СССР в Ленинграде 30 мая — 2 июня 1967 г. / отв. ред. С. Г. Бархударов. — М.: Наука, 1970. С. 82—94.
13. Лыкова Н. Н. Генезис языка права: начальный этап (на материале французских и русских документов X—XV веков): дис. ... д-ра филол. наук / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2005. 410 с.

14. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Изд. 2-е, доп. — М.: Наука, 2002. 489 с.

15. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. — М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.

16. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.

N. N. Lykova
Tyumen, Russia

COMPARATIVE ASPECT OF LEGAL TERMINOLOGY IN OLD FRENCH AND OLD RUSSIAN

ABSTRACT. *The article studies the conceptual scope of Justice Terminology in old French and old Russian languages. The definitions of the analyzed field distinguish 4 core notions: jurisdiction, judicial institutions; subjects of law; judicial scrutiny; and judicial settlement. This research compares the terminology of each group of definitions. Moreover it marks similarities and specific terms of every group of terms. Qualitative and quantitative approaches are used to analyze the divergence of the definitions. The terminology analysis sets the particularities of forms, semantics of terms and their correlation with the definition structure. In particular, formal analysis educed productive suffixes used to create derivative terms. It also contributed to understanding of prefix term formation at the initial stages of terminology formation in Russian and French. The analysis of semantics revealed specific characteristics of synonymic and doublet term names and distinguished the specifics of polysemous lexical tokens and metaphor references. The article examines the particularities of term definitions in early legal texts. Analysis of the equivalence of terminology and definition structure uncovered the difference in terminological status of several subgroups. It also revealed the existence of lacunas, the absence of means of language expression of some of the legal notions.*

KEYWORDS: *legal terminology; term; comparison; old French; old Russian.*

ABOUT THE AUTHOR: Lykova Nadezhda Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Department of French Philology, Institute of Philology and Journalism, Tyumen State University, Tyumen, Russia.

REFERENCES

1. PP = Sud Jaroslavl Volodimerich. Pravda Russkaia. Prostrannaia redaktsiia. // Rossiiskoie zakonodatelstvo X — XX vv.: V 9 t. — T. 1. Zakonodatelstvo Drevnei Rusi. / Otv.red. V.L.Ianin. — M.: Iuridicheskaiia literatura, 1984. S. 64-73.

2. PSG = Pskovskaia Sudnaia gramota. // Rossiiskoie zakonodatelstvo X — XX vv.: V 9 t. — T. 1. Zakonodatelstvo Drevnei Rusi. / Otv.red. V.L.Ianin. — M.: Iuridicheskaiia literatura, 1984. S. 331-342.

3. Sud.1497 = Sudebnik 1497 goda Leta 7006-go mesiasia septemvria ulozhil kniaz Velikii Ivan Vassilievich vseia Rusi s detmi svoimi i s boiary o sude, kak suditi boiarom i okolnichim. // Rossiiskoie zakonodatelstvo X — XX vv.: V 9 t. — T. 2. Zakonodatelstvo perioda obrazovaniia i ukreplenia Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. / Otv.red. A. D. Gorskii. — M.: Iuridicheskaiia literatura, 1985. S. 54-62.

4. Beaum = Beaumanoir Ph. De. Coutumes de Beauvaisis. / Texte critique publ. avec une introduction, un glossaire et une table analytique par Am. Salmon. T.1. — P.: Picard, 1899. 512 p.

5. Louis = Les Etablissements de Saint Louis. // Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789. / Par MM.Jourdant, Decrusy, Isambert. T.2. (1270-1308) — P.: Plon, s.a. P. 361-643.

6. Plet = Li Livres de Jostice et de Plet. / Publ. par Rapetti. — P.: F.Didot, 1850. LII, 451 p.

7. Benveniste E. Slovar indoevropskikh sotsialnykh terminov. — M.: Progress-Univers, 1995. 456 s.

8. Blagova N.G. Leksika i frazeologija pamiatnikov russkogo prava XVII veka: (Na materiale Ulogheniia 1649 g.). — SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 1998. 104 s.

9. Bolshoi uridicheskii slovar. / pod red. A. Ia.Sukhareva, V.E. Krutskikh. — 2 izd., pereb. i dop. — M.: Infra-M, 2001. 704 s.

10. Zelikov M. V. Modeli s glagolom dejstviia v iazykakh Zapadnoi Romanii. // Voprosy iazykoznaniiia. 2001. № 4. S. 107-128.

11. Kochin G.E. Materialy dlia terminologicheskogo slovaria drevnei Rusi. /Pod red. B.D. Grekova. — M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1937. 487 s.

12. Kutina L.L. Iazykovye protsessy, vznikaiushchie pri stanovlenii nauchnykh terminologicheskikh system. // Lingvisticheskie problemy nauchno-tekhnicheskoy terminologii: Materialy soveshchaniia, provedennogo AN SSSR v Leningrade 30 maya-2 iyunia 1967 g./ Otv.red. S.G. Barkhudarov. — M.: Nauka, 1970. S.82-94.

13. Lykova N.N. Genezis iazyka prava: nachalniyi etap (na material frantsuzskikh i russkikh dokumentov X-XV vekov): diss. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg: Uralskii gos.ped.universitet, 2005. 410 s.

14. Trubachev O. N. Etnogenez i kultura drevneyshikh slavian. Lingvisticheskie issledovaniia. Izd. 2, dop. — M.: Nauka, 2002. 489 s.

15. Foucault M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie turmy. / Per. s frants. V. Naumova. Pod red. I. Borisovoy. — M.: Ad Marginem, 1999. 479 s.

16. Chudinov A. P. Rossia v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991-2000). / Ural.gos.ped.un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.